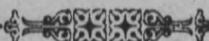

ТАВРИЧЕСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣд.
въ Таврич.
Духовн. Кон-
систоріи.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

№ 34.

26 Августа 1894 г.

Ц ѣ н а
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Епархiальныя извѣстія.

Псаломщикъ Николаевской церкви с. Михайловки, Мел. уѣзда, Аркадій *Петровский* рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви с. Семеновки, Мелит. у.

При Архангело-Михайловской церкви с. Ново-Троицкаго, Берд. у., открыта діаконская вакансія и оная представлена окончившему курсъ въ Таврической духовной семинаріи Георгію *Шеларю*.

Псаломщикъ Базанско-Богородичной церкви с. Прогной, Диѣпр. уѣзда, Иванъ *Синько* уволенъ отъ занимаемой имъ должности и на оную опредѣленъ окончившій курсъ въ Таврической духовной семинаріи Димитрій *Гайдуковский*, съ порученіемъ ему должности учителя въ мѣстной церковно-приходской школѣ.

Преподано Архиепископское Благословеніе, съ выдачею установленнаго свидѣтельства: священнику Александро-Невской церкви с. Гюневки, Берд. у., Петру *Добровольскому* за заботливость его о постройкѣ желѣзной ограды вокругъ церкви и такихъ-же рѣшетокъ на аллеѣ и за перестройку наперти.

Утверждены церковными старостами.

Къ Рождество-Богородичной церкви с. Ново-Павловки, Бердинскаго уѣзда, — поселянинъ Константинъ *Дубовикъ*.

Къ Покровской церкви с. Борисовки, того-же уѣзда, крестьянинъ Феодоръ *Бойковъ*.

Къ Александро-Невскому молитвенному дому, что на Карабельной сторонѣ г. Севастополя, — отставной капитанъ Онисфоръ Михайловичъ *Даниловъ*.

Къ Вознесенской церкви с. Малой Токмачки, Берд. у., крестьянинъ Алексѣй *Бутъ*.

Къ Александро-Невской церкви Севастопольскаго Константиновскаго реального училища — Севастопольскій купецъ Семень *Гаваловъ*.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 34 | 26 Августа 1894 года. | № 34

I.

Характеръ и значеніе церковной школы.

Въ настоящее время въ Россіи происходитъ болѣе или менѣе открытая борьба низшихъ школъ двухъ различныхъ видовъ: школы свѣтской, или такъ называемой народной, и школы духовной, или такъ называемой церковно приходской.

Есть ли это взаимный споръ двухъ вѣдомствъ, изъ которыхъ бы каждое домогалось расширенія своихъ предѣловъ, возвышенія своего значенія? Или эта борьба есть благородное состязаніе различныхъ силъ, направляющихся къ совершенно тождественной цѣли? Конечно, никто не станетъ утверждать, что въ этомъ случаѣ вѣдомство православнаго исповѣданія по одному властолюбію добивается вліянія въ неподлежавшей ему доселѣ области. Въ Россіи разныя вѣдомства и разные общественные классы, служа благу отечества подъ водительствомъ единоличной самодержавной верховной власти, доселѣ не отставали и даже не имѣли своекорыстныхъ интересовъ или властолюбивыхъ притязаній. Станетъ ли духовенство полагать начало такому дѣлу, когда въ Россіи духовенство было искони далеко отъ стремленія къ власти свѣтской и вліянію на мірскія дѣла. Если бы споръ между школой духовной и школой свѣтской имѣлъ причину въ страстяхъ, то къ нему не были бы причастны люди искренняго и глубокаго убѣжденія, каковъ напр. А. С. Рачинскій, самоотреченный подвижникъ на поприщѣ народ-

наго образованія и воспитанія, который, самъ не принадлежа къ духовенству, въ числѣ первыхъ провозгласилъ и первый блистательно осуществилъ на практикѣ идею церковной школы. И какая можетъ быть приманка для духовенства въ трудѣ церковно-школьнаго учительства, въ трудѣ безвозмездномъ, только умножающемъ отвѣтственность и подчиненность духовенства и нерѣдко требующемъ отъ него самого матеріальныхъ пожертвованій? Правда, въ дѣлѣ устроенія церковныхъ школъ, кромѣ высшихъ побужденій, можетъ быть, по мѣстамъ дѣйствуютъ житейскія расчеты, желаніе показать себя, заслужить похвалу или награду: но въ какомъ человѣческомъ дѣлѣ этого нѣтъ? Примѣсь этихъ низшихъ побужденій еще не даетъ права отрицать дѣйствіе побужденій высшихъ; и самоотверженный дѣятель можетъ быть не чуждъ желанія похвалъ и наградъ, но онъ ищетъ удовлетворенія этому желанію не на первомъ представившемся пути, а только на пути служенія тому принципу, который онъ глубоко и непритворно чтитъ. *Наше духовенство оцѣнило церковно-школьное учительство, именно какъ такое дѣло, послужить которому составляетъ его священный долгъ, его неоспоримое право и честь.*

Нельзя сказать, чтобы въ борьбѣ двухъ школъ было состязаніе двухъ силъ, направляющихся къ одной цѣли, но достигающихъ ея не въ одной мѣрѣ. Правда, можно подумать это, заключая на основаніи тѣхъ упрековъ, какіе дѣлаютъ церковной школѣ руководители школы свѣтской. Они говорятъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ неумѣло и безуспѣшно ведется обученіе, что это зависитъ отъ ихъ матеріальной необезпеченности, отъ нерадѣнія или неумѣлости священниковъ, завѣдующихъ этими школами, отъ низкаго уровня образованія учителей несвященниковъ. Въ противоположность этому они прославляютъ дѣятельность земства, посвященную устройству и обезпеченію школъ, по мѣстамъ ослабѣвшую въ настоящее время, но оживленную

и вдохновленную лучшими надеждами въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Они представляютъ устройство церковныхъ школъ, не подвѣдомыхъ земству, вторженіемъ духовенства въ трудъ земства, и считаютъ это вторженіе нисколько не полезнымъ, такъ какъ духовенство будто бы не имѣетъ ни средствъ, ни силъ продолжать или поддерживать *дѣло* земства. Недавно Елатомская уѣздная управа въ докладѣ земскому собранію говорила: „въ началѣ мы (земство) горячо принялись за дѣло, открыли массу народныхъ школъ и отпускали изрядные капиталы на ихъ содержаніе. Когда же было сдѣлано предложеніе о церковно-приходскихъ школахъ, мы какъ будто обрадовались, что можемъ сложить съ себя тяжелую обузу, сдали всѣ зданія школъ духовенству и отказались отъ участія въ дальнѣйшемъ развитіи народнаго образованія. Исполняютъ ли наши замѣстители ту обязанность, которую мы поспѣшили имъ передать“? На этотъ вопросъ земская управа отвѣчаетъ такъ: „каждый изъ гласныхъ знаетъ, что дѣло идетъ плохо. По недостатку средствъ обученіе происходитъ по большей части въ холодной сторожкѣ, съ двумя, тремя книжками на всѣхъ учениковъ, безъ тетрадей и часто безъ преподавателя, который по старости или по другимъ причинамъ не можетъ часто посѣщать школы“. Въ этомъ отзывѣ о состояніи церковно-школьнаго дѣла земская управа представляетъ духовенство замѣстителемъ земства въ дѣятельности по народному просвѣщенію, наслѣдовавшему какъ его обязанность, такъ и средства къ ея исполненію, но представляетъ духовенство замѣстителемъ земства такимъ плохимъ, такимъ недостойнымъ, что даже спеціальныя школьныя зданія, полученные имъ отъ земства, превратились у него въ холодныя сторожки, что обученіе въ этихъ сторожкахъ ведется безъ преподавателя. Но мы должны замѣтить, что духовенство въ школьномъ дѣлѣ совсѣмъ не есть замѣститель земства, что у него совсѣмъ другая обязанность и

другая цѣль, что тамъ, гдѣ земство и духовенство трудятся совмѣстно, они дѣлають не одно и то же дѣло. Вотъ именно отсюда-то и „гиѣвъ“, гиѣвъ земства на то, что подвергаются отмѣнѣ его педагогическіе идеалы, что прельщавшій земство типъ образованнаго развитаго крестьянина для многихъ потерялъ привлекательность и уступилъ типу благочестиваго церковно-вѣрующаго и христіански-живущаго крестьянина.

Тамбовскій епархіальный училищный совѣтъ въ опроверженіе опубликованнаго доклада Елатомской земской управы напечаталъ справку о состояніи церковныхъ школъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, изъ которой оазывается, что духовенствомъ этого уѣзда принято было отъ земства въ 1887 году не масса, а всего лишь 15 школъ, изъ нихъ только *семь* имѣли собственныя отдѣльныя помѣщенія, а остальные помѣщались въ церковныхъ караулкахъ и наемныхъ домахъ; въ настоящее же время тамъ церковныхъ школъ 71, изъ нихъ церковно-приходскихъ 32, и школъ грамоты 39; собственныя помѣщенія имѣются у 36 школъ, у церковно-приходскихъ и у 20 школъ грамоты. Остальныхъ пунктовъ опроверженія этого мы здѣсь приводить не станемъ. Но какъ земская управа, рисуя горестное положеніе церковныхъ школъ, не коснулась того факта, что ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ бывшихъ земскихъ, и что онѣ имѣють въ 5 разъ больше спеціально школьныхъ зданій, чѣмъ бывшія земскія? Кто же эти зданія выстроилъ, если не духовенство? Очевидно, елатомскіе земцы относятся къ церковнымъ школамъ съ предубѣжденіемъ, съ тенденціей, которая увлекаетъ ихъ до искаженія дѣйствительности. Откуда же эта тенденція происходитъ? Источникъ ея находится въ несогласіи и въ противоположности цѣлей, которыя преслѣдуются школой церковной, съ цѣлями, которыя преслѣдуемы были школой земскою.

Въ чемъ заключалась цѣль обученія въ земскихъ на-

родныхъ школахъ? Нельзя, конечно, сказать того, чтобы эта цѣль состояла въ сообщеніи ученику ясныхъ понятій объ истинахъ вѣры, въ привитіи ему благочестивыхъ воззрѣній и навыковъ: для этого „обученіе религіи“ занимало въ курсѣ народной школы слишкомъ скромное мѣсто. Нельзя сказать, чтобы эта школа имѣла цѣлю сообщеніе ученику практическихъ знаній, такъ какъ ни рациональное земледѣліе, ни ремесла не входили въ ея программу. Хотя и много тамъ читалось о сохѣ и боронѣ, о лошади и коровѣ, о сусликахъ и прочихъ звѣркахъ, но это читалось не для того, чтобы приготовить ученика къ крестьянскимъ занятіямъ, а для того, чтобы сообщить обученію характеръ наглядности, чрезъ наглядность развитъ способность наблюденія, а чрезъ это положить въ ученикѣ основаніе такого отношенія къ окружающимъ предметамъ, каковое чуждо необразованнымъ. И неграмотный знаетъ, что такое борона, что такое лошадь или сусликъ (хотя на сѣверѣ ихъ нѣтъ). Но ты смотри на нихъ иначе, чѣмъ неграмотный — внушала школа ученику; къ обычному понятію о нихъ ты долженъ относиться критически; для этого тебѣ и говорится о нихъ въ школѣ, хотя они были тебѣ извѣстны и до школы, извѣстны всѣмъ и безъ книгъ. Крестьяне, не учившіеся въ школѣ, не могутъ удивиться, для чего ихъ дѣти занимаются въ школѣ изученіемъ того, что имъ и безъ того хорошо извѣстно. Но школа не сомнѣвается, что она дѣлаетъ дѣло, что возбуждаетъ разсудочную дѣятельность, возвышаетъ умъ ученика надъ обычными представленіями и развиваетъ для того, чтобы ко всему вообще относиться иначе, „сознательно, разумно“ ¹⁾ Не преслѣдуя ни нрав-

¹⁾ И до появленія „Родного Слова“ Ушинскаго, и до открытія школъ съ нагляднымъ обученіемъ крестьяне имѣли разумъ, какъ общую всѣмъ людямъ способность, умѣли и разсуждать, такъ какъ они не были ни идіотами, ни сумасшедшими.

ственно-религіозныхъ, ни професіонально-практическихъ цѣлей, народная школа стремилась къ тому, чтобы сообщить ученику формальное развитіе, разумность, какъ формальный принципъ, какъ основаніе разумнаго отношенія ко всѣмъ вообще предметамъ.

Требованіе формальнаго развитія торжествовало и въ методѣ обученія грамотѣ, методѣ развивающемъ, и въ безконечномъ рядѣ ариѳметическихъ задачъ, посредствомъ которыхъ старались приучить умъ ученика къ быстрымъ и свободнымъ операціямъ надъ числами, и въ ухищреніяхъ катехизаціи, сопровождавшей объяснительное чтеніе, которое направлялось къ тому, чтобы научить ученика расчленять прочитанное, снова связывать и соподчинять. При этомъ самое простое иногда оказывалось самымъ труднымъ, мудреное же оказывалось болѣе легкимъ: въ мудреномъ видно, что именно требуетъ разъясненія, но что требуетъ разъясненія въ простомъ, не видно; поэтому истиннымъ мастеромъ объяснительнаго чтенія казался тотъ учитель, который можетъ вести такое чтеніе на самой удобопонятной статейкѣ (въ родѣ басни Чижъ и Голубь). Во всѣхъ этихъ случаяхъ содержаніе отступало на задній планъ, и переднее мѣсто занимала форма: какъ въ ариѳметической задачѣ не имѣютъ значенія предметы, а важно только требуемое задачей сопоставленіе чиселъ и правильный выводъ, такъ и вообще въ обученіи, имѣющемъ цѣлю формальное развитіе, не важно содержаніе, надъ которымъ работаетъ умъ ученика, а важно лишь только то, чтобы эта работа производилась ловко, проворно, вѣрно. Конечно, нельзя развивать формально, не сообщая никакихъ предметныхъ понятій и познаній; но когда цѣль заключается не въ этихъ понятіяхъ и познаніяхъ, то и сообщаются они безъ системы и случайно.

Какой же былъ плодъ школы, направленной только къ формальному развитію учениковъ, сообщавшей ихъ уму

только орудія познанія (грамотность, наблюдательность, сообразительность), но не сообщавшей положительных, предметных основаній міровоззрѣнія? Ученикъ выходилъ изъ школы развитымъ, но въ чемъ состояла эта развитость? За неимѣніемъ опредѣленнаго содержанія, которое было бы присуще его уму, только формально развитому, тѣмъ болѣе его сердцу, его волѣ, означенная развитость сказывалась лишь отрицательными качествами: каковъ онъ былъ, сказать трудно, но не трудно сказать, каковъ онъ не былъ. Онъ не былъ такимъ, какъ неграмотный, ничему не учившійся крестьянинъ, не былъ онъ застѣчивъ, робокъ, наивенъ и довѣрчивъ; его уже не легко запугать, обмануть, обсчитать. Что же, однако, кромѣ этого? Ничего. Были люди, которые возлагали смѣлыя надежды на питомца народной школы въ томъ смыслѣ, что онъ пойметъ свои общественныя, гражданскія и даже политическія (?) права и будетъ настаивать на нихъ. Но къ счастью и этого не случилось: смутное сознаніе того, что общеобразовательная школа должна совершенствовать ученика, какъ личность, не касаясь предстоящей ему общественной дѣятельности, не допускало въ школу разсужденій о какихъ либо гражданскихъ правахъ, объ общественномъ устройствѣ. — Итакъ, умственное развитіе, полученное въ школѣ, являлось формой безъ содержанія, орудіемъ безъ опредѣленнаго назначенія. Нужно ли удивляться послѣ этого тому, что форма безъ содержанія разсѣивалась и улетучивалась, что орудіе безъ назначенія забрасывалось и забывалось?

Стремленіе развивать народъ предполагаетъ, что народъ умственно неразвитъ. И съ этимъ можно отчасти согласиться. Но отсутствіе опредѣленнаго понятія о томъ, для какой именно цѣли должно развивать, какія знанія укоренять въ такой мѣрѣ, чтобы они были основаніями всѣхъ, имѣющихъ привзойти въ немъ познаній, всей духовной жизни человѣка, и всей его дѣятельности, уже свидѣтель-

ствуешь о непониманіи того, что и до школъ 60-хъ годовъ русскій народъ прошелъ длинный путь духовно-нравственной жизни, что современная школа должна только содѣйствовать къ дальнѣйшему продолженію этого пути, а если она поведетъ народъ другимъ путемъ, то или потерпитъ поражение и будетъ сметена силой историческаго начала, или причинитъ народу насиліе, подавляя и разлагая это начало, безъ котораго народъ не можетъ жить.

„Въ настоящую пору, писалъ въ 1866 году авторъ одной незаслуженно забытой книги, во всѣхъ слояхъ русскаго царства съ жаромъ хлопочуть о народномъ образованіи. Въ Россіи явилось повсюду множество разнаго рода школъ. Стремленіе прекрасное! Но по нему одному еще нельзя ручаться за успѣхъ самаго дѣла. Можетъ быть то, что теперь сѣется въ народѣ, по самому своему свойству не можетъ прирости къ тому, что давно уже посѣяно въ немъ и обратилось въ плоть и кровь его. Не дикимъ же оставался русскій народъ въ продолженіе тысячи лѣтъ. Чему нибудь да учился онъ; что нибудь выросло же и добраго въ его душѣ. Дай Богъ, чтобы онъ всегда умѣлъ и предъ св. вѣрою благоговѣть, и царей почитать, и родителей уважать такъ, какъ онъ все это умѣлъ дѣлать въ бывшее время, надъ которымъ легкомысліе нынѣ не стыдится неразумно глумиться. Изъ небольшой горсти слабыхъ людей образовать могущественное царство, распростертое по тремъ частямъ свѣта, рѣшать судьбы образованнѣйшихъ народовъ и царствъ, стать на первомъ планѣ всемірной исторіи и жизни—подобныхъ вещей нельзя совершать безъ здравой мысли, неразвитыми силами. Не мѣшало бы ревнителямъ отечественнаго образованія прежде всего обратить вниманіе на то, что и какъ сѣялось въ народѣ нашемъ съ самой первой поры бытія его, какъ это сѣмя принималось въ немъ; и затѣмъ, если это сѣмя доброе и пришлось по почвѣ, не подавлять народнымъ ему ученіемъ, хотя бы въ

себѣ самомъ и полезнымъ, а продолжать начатое, облегчая народу усвоеніе его“¹⁾.

Да, русскій народъ давно пересталъ быть дикаремъ; гораздо раньше современныхъ заботъ объ его образованіи онъ самъ по себѣ, безъ помощи школъ, образовался въ народъ христіанскій. 1000 лѣтъ тому назадъ ему проповѣдано было ученіе о Богѣ, воплотившемся для вѣчнаго спасенія человѣка. Это ученіе проповѣдано было на родномъ для него языкѣ. Оно было сѣменемъ, упавшимъ прямо въ глубину народной души и воспринятымъ ею безпрепятственно и свободно. Какъ при воплощеніи Сына Божія съ человѣчествомъ неслиянно и нераздѣльно соединилось Божество, такъ и здѣсь съ естественными качествами и расположеніями народа соединилась, воплощаясь во временномъ, въ мѣстномъ и національномъ, вѣчная божественная Истина. Такъ явилась и стала возрастать русская Церковь, часть великой вселенской Церкви, но часть, имѣющая въ себѣ и обособленную жизнь, ибо въ ней вѣчное существо христіанства соединилось съ основами національности, и, не предлагаясь въ нихъ, но и не нарушая ихъ, а возвышая и освящая, сдѣлалось само основой русской національности, только болѣе глубокою и все объединяющею. Богъ, безконечный въ Своемъ неприступномъ существѣ и въ то же время ничѣмъ неограничиваемый въ проявленіяхъ Своей милости и Своего снисхожденія къ людямъ, сталъ Богомъ отцевъ нашихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Русь стала святою, народъ сталъ христіанскимъ; исторія его есть исторія священная, а потому все, предпринимаемое нынѣ для пользы и въ частности для образованія народа, должно быть поставляемо въ тѣснѣйшую связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что это народъ не только не дикій, но въ высшей мѣрѣ христіанскій.

¹⁾ Св. равноапост. Кириллъ и Меѳодій—А. С. Князева.

Русскій народъ учился Слову Божию, учился христіанству тогда, когда школъ почти совсѣмъ не существовало. Даже духовенство мало возвышалось надъ народомъ въ отношеніи школьной учености. Поэтому народъ воспринималъ и усвоялъ христіанство не въ формѣ отвлеченной системы, не въ точныхъ вѣроопредѣленіяхъ; онъ воспринималъ его въ формѣ живыхъ образовъ и жизненныхъ образцовъ, которыхъ жаждала его отъ природы христіанская душа, которыхъ искало его многострадальное сердце. Эти образы и образцы при благодатномъ содѣйствіи Духа Божія нераздѣльно соединились со всѣмъ его духовнымъ строемъ, съ его внутреннимъ существомъ. Онъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта о догматахъ вѣры, но онъ усвоилъ сердцемъ образъ Христа, всемилостиваго Спаса, подающаго намъ вѣчное блаженство, избавляющаго насъ отъ огня геенскаго, образъ Христа, обнищавшаго, пострадавшаго за человѣческую неправду и содѣлавшагося Славою нищихъ, Заступникомъ обидимыхъ. Воспріавъ въ душу свою этотъ образъ, сіяющій величіемъ и любовью, народъ возлюбилъ Христа всѣмъ сердцемъ и сталъ приносить Ему въ жертву подвиги строжайшаго поста, отшельничества, паломничества, веригоношенія, юродства, совершая все это *Христа ради*. Не всѣ совершали такіе подвиги, но совершающіе ихъ окружены были уваженіемъ и любовью отъ всѣхъ. Появленіе инока со словомъ обличенія могло прервать веселый бняжескій пиръ, юродивый безопасно могъ сказать правду самому царю. Они несли подвигъ Христа ради, и это сообщало имъ въ глазахъ всего народа неоспоримое достоинство и неограниченное право обличенія. Нищіе, которыхъ Христосъ благоволилъ наименовать меньшею братією, были ради Христа *награждаемы* за свою нищету подаваніемъ; они были не только не презираемы, но уважаемы, какъ возвеличенные любовью къ нимъ Христа; призваніе нищихъ вошло въ идеальный образъ благочестиваго

Царя или Князя. Доселъ съ Христовымъ Именемъ можно пройти безъ копѣйки все неизмѣримое пространство Россіи и не имѣть нужды въ пищѣ и одеждѣ: на просьбу: „подай Христа ради“ — истинно-русскій человѣкъ отвѣчаетъ просьбою: „прими Христа ради“. Кромѣ образа Христа, народъ, хотя и не зналъ основаній догматическаго ученія о почитаніи Богоматери и святыхъ, воспріалъ въ свою душу образъ Богородицы, слезной Ходатаицы за страждущій родъ человѣческой, затѣмъ образы святыхъ, содѣйствующихъ и какъ бы сопутствующихъ народу въ его трудовомъ житейскомъ поприщѣ. Постоянно призывая ихъ въ молитвѣ, обрुжая себя ихъ священными изображеніями, этотъ народъ, который „въ своей смиренной наготѣ“ кажется, на гордый взглядъ иноплеменика, прииженнымъ, на самомъ дѣлѣ живетъ въ постоянномъ сношеніи съ міромъ духовнымъ, въ непрерывномъ общеніи съ небожителями, живетъ на небѣ, насколько это возможно для живущихъ на землѣ.

Проникновеніе народной души этими образами породило обычаи въ высокой степени христіанскіе, въ свою очередь утверждающіе душу въ ея христіанскомъ настроеніи, воспитывающіе въ христіанскихъ чувствахъ безчисленныя поколѣнія. Обычай носить на себѣ св. крестъ, украшать свои жилища св. иконами, а иконы украшать свѣчами и лампадами, обычай полагать на себѣ крестное знаменіе предъ началомъ и послѣ каждаго дѣла, предъ принятіемъ — и послѣ — пищи и питія, при видѣ храма, при ударѣ грома, — все это и великое множество другого подобнаго, будучи порожденіемъ христіанскаго чувства, христіанской идеи, потомъ превратившись въ навѣкъ, и само служить къ оживленію этого чувства, къ упроченію этой идеи. Вѣра облеклась въ христіанскій обычай; вѣчныя истины, свободно и радостно воспринятыя народной душой, возбудили ея творчество, воплотились въ ея созданія, явились въ дѣйствіяхъ, сдѣлавшихся привычкой, и чрезъ

это стали народу еще дороже. Народъ полюбилъ храмы, которые онъ строилъ безъ числа, полюбилъ иконы въ блестящихъ окладахъ, полюбилъ сіяніе горящихъ предъ иконами свѣчей, крестные ходы, колокольный звонъ, благочестивыя пѣсни нищихъ и многое множество другого подобнаго, въ чемъ онъ привыкъ выражать свою вѣру, въ чемъ религіозная истина облеклась для него въ плоть и кровь, вселенская апостольская вѣра стала русскимъ народнымъ православіемъ.

Когда это совершилось, къ какому времени окончился процессъ разумѣнія и усвоенія христіанства народомъ—на это нельзя дать точнаго отвѣта. Это было въ глубинѣ народной души, а о томъ, — что и когда тамъ совершается, не можетъ сказать намъ никакое историческое изученіе, которое всегда показываетъ лишь результаты, того, что зарождается и зрѣетъ молча въ народномъ духѣ. Но когда начался татарскій погромъ, началась борьба съ нѣмцами и шведами, то народъ, подготовленный предшествующей внутренней работой, уже сознавалъ себя, какъ народъ христіанскій, и отличалъ отъ себя всѣ другіе народы, какъ нехристіанскіе. Въ его отношеніи къ прочимъ народамъ сказывалось не чувство ненависти къ чужому, потому что вообще русскій народъ располагаетъ въ свою пользу иностранцевъ и инородцевъ необыкновенной общительностію, — но чувство сильнѣйшей любви къ своему, а именно къ своему православію. Не могъ онъ не знать, что и другіе народы чтутъ Христа, но принося Христу все лучшее, что зналъ онъ и что могъ принести, онъ считалъ всякое другое почитаніе Христа близкимъ къ непочитанію. Поэтому борьбу съ иновѣрными народами, съ татарами, нѣмцами, шведами, поляками, русскій народъ считалъ борьбою за православіе, за Христа, не отдѣляя отъ нихъ ни своего отечества, которое онъ зналъ только по одному признаку — православію, ни царя, котораго онъ представлялъ себѣ не

иначе, какъ царемъ православнымъ, христіолюбивымъ. Чрезъ это и вся исторія русскаго народа является какъ бы священной исторіею: такую она представляется самому народу вслѣдствіе того, что онъ отождествилъ свою національность съ вѣрою; такую она была на самомъ дѣлѣ въ особенности потому, что Господь воистину сталъ Вождемъ этого народа.

Русская исторія представляетъ намъ два зрѣлища: во-первыхъ—борьбу съ иновѣрцами, въ которой русскіе подвизались для охраненія и огражденія отъ нехристей, для прославленія и торжества въ мірѣ—св. вѣры, и, во-вторыхъ—собираніе земли русской, собираніе во едино всѣхъ—сначала разъединенныхъ и раздѣленныхъ между разными, русскими и не русскими, властителями—частей русскаго православнаго народа. Что первое зрѣлище носить священный, религіозный характеръ, это уже видно изъ того, что народъ понималъ себя исключительно, какъ народъ православный, поставлялъ свою національность въ православіи и посему, защищая эту національность отъ враговъ, защищалъ именно свое православіе; доставляя торжество своей національности, доставлялъ торжество православію. Въ 1581 году польскій король Стефанъ Баторій, осаждая Псковъ, писалъ къ псковскимъ воеводамъ: „сдайтесь, мирно, вамъ будетъ честь и милость, какихъ не дождетесь отъ московскаго тирана (Іоанна IV), а народу льгота, неизвѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, иѣкогда процвѣтавшей въ землѣ его; обычаи, имущество, вѣра будутъ неприкосновенны“. На это псковскіе защитники отвѣчали: „мы не жида, не продаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества, не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога“. Это былъ отвѣтъ не только воеводѣ, но всего населенія, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ оборонявшаго городъ отъ 100-тысячнаго войска Стефана. Сражаться за отечество

значило для русских сражаться за Христа, изменить отечеству — изменить Христу.

Другое зрѣлище, представляемое русской исторіей, собраніе земли русской, носить не менѣе перваго характеръ священный и религіозный. Если держаться того взгляда, что собраніе русской земли совершалось интригами московскихъ князей, ихъ практичною, бережливостію, происками у татаръ, то въ этомъ дѣлѣ не придется признать ничего священнаго, ничего религіознаго. Но такой взглядъ поверхностенъ и смѣшиваетъ наружную сторону дѣла съ внутренней. Послѣдствія интригъ, результаты происковъ сметаются исторіей безъ слѣда, остаются только плоды дѣятелей болѣе глубокихъ, причинъ, лежащихъ въ глубинѣ общенародной жизни. Внутреннимъ и глубочайшимъ, *досель неизмѣнно пребывающимъ* основаніемъ собранія русской земли было и есть духовное единство русскаго народа, сказавшееся и въ стремленіи его найти себѣ виѣшній политическій центръ, и въ необыкновенно строгомъ охраненіи однажды отысканнаго центра.

Въ чемъ же состоитъ и откуда истекаетъ духовнае единство русскаго народа? Отвѣтить на это не трудно. Русскій народъ, хотя и раздѣлялся въ началѣ на племена, одинаково отнесся къ христіанству, одинаково воспринялъ его и усвоилъ и сталъ во всѣхъ частяхъ своихъ одинаково русскимъ православнымъ народомъ. Христіанство упрочилось въ немъ въ одной формѣ общерусскаго народнаго православія, такъ что новгородецъ признавалъ своимъ братомъ по вѣрѣ жителя кievской области, хотя не признавалъ никакого братства, никакой духовной близости съ болѣе близкимъ къ нему по жительству нѣмцомъ и шведомъ. Такъ получилось то духовное единство, которымъ была всегда сильна русская земля, которое легло и въ основу ея собранія. Какъ скоро это единство выработалось, народъ самъ сталъ желать и искать политическаго

объединенія, политическаго центра. Онъ сталъ стремиться къ созданію православнаго царства, чтобы соединиться подъ его сѣнію. Носителями этой идеи и являются московскіе князья собиратели. Имъ не трудно было осуществлять эту идею единого православнаго царства, такъ какъ подъ ихъ державу почти безъ принужденія и съ охотою идетъ внѣшне раздробленный, но духовно-цѣльный русскій народъ; къ нимъ на службу приходятъ литовскіе князья; они пользуются сочувствіемъ простаго народа въ Новгородѣ; имъ безъ сопротивленія Псковъ уступаетъ свою вѣчевую свободу; донскіе казаки, имѣя у себя во главѣ Ермака Тимоѣевича и уже господствуя въ Сибири на развалинахъ Кучумова царства, бьютъ челомъ Іоанну Грозному этимъ царствомъ; царь грузинскій посылаетъ сказать царю Θεодору: „мы—единовѣрные братья россиянъ и стенаемъ отъ злочестивыхъ; единъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу, бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ; да будемъ твои во вѣки вѣковъ“. Наконецъ и Малороссія, „волить подѣ царя восточнаго православнаго“. Не по хвастовству, но по чувству исторической правды, московскіе князья стали именовать себя царями всея Руси, хотя и доселѣ еще не вся Русь объединена подѣ русскимъ скипетромъ (Галиція принадлежитъ Австріи); Москва еще въ 15 вѣкѣ почувствовала, что идея православнаго царя, православнаго русскаго царства подчиняетъ ей духовно и когда нибудь подчинитъ внѣшне весь русскій народъ. Обыкновенно народная масса не требуетъ себѣ политическихъ правъ, которыхъ домогаются высшіе классы общества; но нравственно развитой и духовно-свободный народъ создаетъ себѣ государственную идею, образъ политическаго цѣлаго, которое онъ хочетъ составлять. Эта идея или образъ для русскаго народа неотдѣлимы отъ идеи великаго православнаго царя: *православнаго*—потому, что онъ есть представитель духовнаго

единства русскаго народа, а это единство заключается въ общемъ для всѣхъ русскихъ православннх; *великаго* — потому, что въ его величнн заключается слава, гордость, и величнн русскаго имени и всего народа православнаго.

Итакъ чрезъ собраннн русской земли внѣшне выражалось религнзное единство русскаго народа, или въ политическомъ объединеннн обнаруживалось единство жизни церковной, въ единствѣ всеросснйскаго царства отражается единство Церкви, которую составляетъ русскнй народъ. Очевидно, что это собраннн было и есть дѣло священное, религнзное. Исторнн русскаго народа и государства въ основныхъ своихъ теченняхъ есть исторнн священная, религнзная. Ошибаются всѣ, которые мыслятъ эту исторнн отдѣльно отъ исторнн русской Церкви или эту послѣднюю исторнн противопоставляютъ политической исторнн русскаго народа. Церковь, или — что тоже — царство Божнн, уподобляется закваскѣ, которую женщина положила въ трехъ мѣрахъ муки, пока не вскисло все; такъ и Церковь стремится все претворить сообразно съ своимъ внутреннимъ существомъ; и когда подъ ея влнннемъ создаются государственныя учрежденнн, проходятъ теченнн политическихъ событнн, обнаруживающнн въ себѣ дѣйствнн закваски хрнстннства то это не менѣе входитъ въ исторнн Церкви, чѣмъ жизнь отдѣльныхъ святыхъ лицъ, обнаружившихъ въ себѣ дѣйствнн хрнстннскаго благодатнн. Въ исторнн русскаго государства постоянно обнаруживается дѣйствнн благодатной хрнстннскаго закваски; какъ въ направленнн событнн, такъ и въ характерѣ постепенно слагающнхся учрежденнн дѣйствуетъ и торжествуетъ божественное, бнблейское или церковное начало. Такъ какъ народъ, вслѣдствнн своего религнзнаго единства, стремившнйся создать себѣ единство государственное, остановился на мысли объ единомъ православномъ царствѣ, единомъ православномъ царѣ, то онъ не хотѣлъ себѣ царя случайнаго, опирающагося въ своей

власти на мнѣнія и желанія человѣческія, которыя часто бываютъ ошибочны и злы, но хотѣлъ себѣ царя, избраннаго божественнымъ Промысломъ, помазаннаго отъ Бога, такъ чтобы Богъ оставался защитникомъ православнаго народа, Глава Церкви былъ и верховнымъ правителемъ государства. Таково русское понятіе о самодержавіи, въ которомъ независимость отъ колебаній народной воли, отъ вліяній высшихъ классовъ общества, соединяется съ мыслию, что царь есть слуга Бога, что его царствованіе есть служеніе Господу, верховному Владыкѣ народа. Іоаннъ IV, выражая въ яркихъ чертахъ народную мысль, предпослалъ своему титулу слѣдующее, какъ говорили тогда, богословіе: „Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіанамъ, Дателю премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлый Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людяхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостию и хотѣніемъ удержахомъ скипетръ російскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, Владимірскій, Московскій“... и проч...

Для человѣка вѣрующаго не трудно убѣдиться въ томъ, что Господь дѣйствительно былъ Верховнымъ Вождемъ русскаго народа; для очей вѣры Его *непосредственное дѣйствіе* въ направленіи событій русской исторіи къ тѣмъ благимъ послѣдствіямъ, которыя состоятъ, съ одной стороны, въ торжествѣ надъ врагами вѣры и народности русской, съ другой—во внѣшнемъ объединеніи русскаго народа—*не подлежитъ сомнѣнію*. Непосредственное дѣйствіе Божіе въ исторіи есть не иное что, какъ чудо; въ чудесахъ Божіихъ нѣтъ недостатка въ исторіи русскаго народа, при томъ не только церковной (въ собственномъ смыслѣ), но и политической. Изъ весьма многаго укажемъ

очень немногое. Мощи св. Андрея Боголюбскаго, перваго собирателя земли русской, мощи св. Александра Невскаго, отбивавшагося отъ нѣмцевъ и шведовъ и уступившаго татарамъ (онъ зналъ, что татаринъ возьметъ только тѣло, а нѣмецъ потянется и за душой русскаго человѣка), почи- ваютъ въ чудесномъ нетлѣніи. Св. Петръ, митрополитъ Московскій, св. Сергій преподобный такъ же остаются среди насъ своими нетлѣнными тѣлами. Прославивши этихъ свя- тыхъ людей нетлѣніемъ ихъ тѣлъ, Господь ясно показалъ, что Онъ благословляетъ и ихъ политическую дѣятельность, что если она увѣнчалась успѣхомъ, то не случайно, не ко вреду для русскаго народа, но по милости и всеблагому хотѣнію Небеснаго Вождя Россіи.

Послѣ всего этого русское царство представляется въ образѣ великаго организма, состоящаго изъ клѣточекъ, не мертвыхъ, но живыхъ, изъ отдѣльныхъ людей, сплоченныхъ въ одно цѣлое не насиліемъ, но тѣмъ, что въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ тоже начало, что и во всѣхъ про- чихъ. Это начало есть единая православная вѣра, которая, служа источникомъ и причиною освященія для каждаго въ отдѣльности, служитъ основаніемъ соединенія всѣхъ въ совокупности русскихъ людей въ единство Церкви и госу- дарства. Правда, въ этомъ организмѣ жизнь уже борется со смертію, находятся клѣточки омертвѣвшія или переро- дившіяся: есть русскіе люди, отнавшіе отъ единства вѣры и велѣдствіе этого только виѣшне принадлежащіе къ со- ставу русскаго царства. Всѣмъ извѣстно, какіе изъ нихъ выходятъ слуги отечества, какъ легко они измѣняютъ рус- ской народности для мнимо-просвѣщеннаго космополитизма. Но никто изъ истинно-русскихъ людей не пожелаетъ, что- бы умножались эти „перелеты“, которымъ все равно, чему бы ни служить, которые парализуютъ, патріотическія пред- назначенія Верховной Власти безсердечнымъ отношеніемъ къ нимъ. Нужно, чтобы воспитаніе дѣлало новыя поколѣ-

нія истинно-русскими людьми, а для этого нѣтъ другого средства, какъ *воспитаніе въ православной вѣрѣ* и во всемъ христіанскомъ обычаѣ, какой въ теченіе вѣковъ созданъ русскимъ народомъ.

Что же дѣлаеть для этого свѣтская школа, имѣющая цѣлю только формальное развитіе ученика. Удѣляя закону Божию почти третьестепенное мѣсто въ своемъ курсѣ, можетъ ли она внѣдрить въ умъ учениковъ достаточно полныя познанія объ истинахъ вѣры, о событіяхъ священной исторіи, о жизни святыхъ? Находясь въ завѣдываніи лицъ свѣтскаго образованія, можетъ ли она утвердить учениковъ въ православныхъ обычаяхъ, которые представляютъ собою какъ бы воплощеніе православныхъ воззрѣній? Эта школа только развиваеть, развиваеть только для критическаго отношенія къ обружающему, къ обычнымъ понятіямъ нашего крестьянства; но она не даетъ положительнаго содержанія развиваемому чрезъ нее уму, ставитъ его на распутиѣ всѣхъ взглядовъ, приводитъ его въ состояніе, изъ которыхъ народъ давнымъ давно вышелъ, сдѣлавшись христіанскимъ и православнымъ.

Теперь понятно *все значеніе школы церковной, которая ставитъ своею цѣлю не развитіе вообще, но утвержденіе въ православной вѣрѣ, въ русскомъ православномъ обычаѣ*. Она стремится поддерживать и оживлять въ народѣ то духовное начало, которое легло въ основаніе его исторіи, создало ему единство и величіе.

С. Кохомскій.

(Руков. для сел. пастыр.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

Высочайше утвержденное въ 1881 г. въ С Петербургѣ,
Большая Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы 20.000,500 руб.

Общество заключаетъ:

Страхованія капиталовъ и доходовъ

для обезпеченія семьи или собственной старости, приданнаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ общества.

Къ 1 января 1894 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 28,246 лицъ, на капиталъ въ 75.621,010 руб.

Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ какъ *отдѣльныхъ лицъ, такъ и коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ,*—съ уменьшеніемъ страховыхъ взносовъ вслѣдствіе зачета дивиденда;

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода по умѣреннымъ преміямъ, напр., монастырскихъ строеній, зданій духовно-учебныхъ заведеній и домовъ причтовъ;

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе корпусовъ судовъ.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Симферополь у Агента Е. А. Ши-

киной за Θεодосійскимъ мостомъ д. Вирта, а также въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37) и у всѣхъ провинціальныхъ агентовъ.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

Редакціей „Вѣстника Иностранной Литературы“ предпринято новое общедоступное изданіе

собраніе сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей

цѣль этого изданія дать возможность русской читающей публикѣ приобрѣтать по небывало удешевленной цѣнѣ сочиненія образцовыхъ иностранныхъ писателей, собранныя вмѣстѣ въ соответственномъ числѣ томовъ удобнаго формата, доброкачественной внѣшности, въ безукоризненныхъ переводахъ, сдѣланныхъ впервые и заново. Ежемѣсячно 15-го числа будутъ выпускаться по два тома сразу, что составитъ въ годъ 24 тома (не менѣе 480 листовъ или около 8,000 страницъ въ 8-ю долю). Такимъ образомъ подписчики на это изданіе постепенно, въ непродолжительномъ времени, могутъ составить себѣ цѣлую библіотеку произведеній главныхъ и выдающихся корнѳевъ всемірной литературы.

Въ настоящее время открыта подписка на:

- 1) СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ АЛЬФОНСА ДОДЕ въ 12 томахъ цѣна за 12 томовъ только по подпискѣ 3 р. съ доставкой и пересылкой 4 р.
1-й томъ выйдетъ 15 октября 1894 г., остальн. 11 том.

будутъ выпускаться 15 числа каждаго слѣдующаго мѣсяца, а все изданіе окончится 15 сентября 1895 г.

2) СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ТЕККЕРЕЯ въ 12-ти томахъ цѣна за 12 томовъ только по подпискѣ 3 р. съ доставкой и пересылкой 4 р.

1-й томъ выйдетъ 15 октября 1894 г., остальн. 11 том. будутъ выпускаться 15 числа каждаго слѣдующаго мѣсяца, а все изданіе окончится 15 сентября 1895 г.

Подписывающіеся на оба изданія вмѣстѣ (цѣна 6 р., съ доставкой и пересылкой 8 р.) пользуются разсрочкой платежа при подпискѣ вносится 3 р., 15 декабря 1894 г. 3 р., а 2 р. за доставку и пересылку 15 марта 1895 г.

Гг. служащіе въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкою, за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается въ редакціи „Вѣстника Иностранной Литературы“ С.-Петербургъ, Верейская ул. (собств. д.) и въ конт. редакціи—Гостинный дв., Зеркальная л., 63, магаз. Пантелеева (прот. Пажескаго корпуса); въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

Редакторъ **Ѳ. И. Булгаковъ**. Издатель **Г. Ѳ. Пантелеевъ**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ официальный: I. Епархіальныя извѣстія. II. Преподано Архипастырское Благословеніе. III. Утверждены церковными старостами.

Отдѣлъ неофициальный. 1) Характеръ и значеніе церковной школы. 2) Объявленія.

Дозволено Цензурою. Симферополь, 25 Августа 1894
года. Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ*.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи А. Гроздовъ.